
ОБ ИСЧЕЗНУВШЕМ ТЕКСТЕ НЕКРАСОВА



Как известно, неудавшееся покушение Каракозова на жизнь царя Александра II развязало руки реакции. Была создана следственная комиссия, председателем которой был назначен М. Н. Муравьев, «усмиритель» польского восстания, заклеянный широко распространенной кличкой «вешатель». Он должен был не только выяснить все, непосредственно относящееся к покушению, но и все «корни и нити» революционной крамолы, включая и печатную ее пропаганду.

Тщетно пытаюсь спасти от закрытия журнал революционной демократии «Современник», Некрасов прочел на обеде в Английском клубе приветственное стихотворение Муравьеву. Стихи встретили у последнего самый холодный прием и не помогли делу. Некрасов, видимо, уничтожил прочитанный текст; во всяком случае, в сохранившихся бумагах Некрасова этого стихотворения нет.¹

Однако в 1885 году в журнале «Русский архив» появилась публикация под заглавием «Стихи Н. А. Некрасова графу М. Н. Муравьеву» со вступительной заметкой, подписанной инициалами редактора журнала П. И. Бартенева. Вот текст этой публикации:

«Государственная заслуга графа М. Н. Муравьева так важна, общенародное сочувствие к нему было так велико, что даже люди, по направлению своей деятельности ему враждебные, считали долгом восхвалять его. Так поэт Некрасов, бывший перед тем издателем «Современника», обратился к нему с нижеследующими сти-

¹ См.: Чуковский К. И. Поэт и палач. М., 1922; Чуковский К. И. Некрасов. Л., 1926; Чуковский К. И. Рассказы о Некрасове. М., 1930.

хами. Это было 27 апреля 1865 года, в Петербургском Английском клубе (помещавшемся на Фонтанке), где графу Муравьеву давали торжественный обед. По окончании пира престарелый виновник торжества ушел на балкон и закурил свою трубку. Возле него оставалось несколько человек, наиболее к нему близких. Вдруг подходит Некрасов и просит позволения прочитать ему стихи. Стоя перед Муравьевым, прочитал он свое произведение и спросил: «Ваше сиятельство, позвольте напечатать?» — «Это ваша собственность, — сухо отвечал Муравьев, — и вы можете располагать ею, как хотите». — «Но я бы просил вашего совета». — «В таком случае не советую». Некрасов так и сделал, и стихи эти появляются только теперь в печати. По свидетельству очевидца, сцена была довольно неловкая; по счастью для Некрасова, свидетелей было сравнительно немного. Говорили, будто Муравьев сказал Некрасову несколько жестких слов о политическом его направлении, но это неверно, как помнит ясно сообщавший нам очевидец.
П. Б.

27 апреля 1865

Бокал заздравный поднимая,
Еще раз выпить нам пора
Здоровье миротворца края...
Так много ж лет ему... Ура!

Пускай клеймят тебя позором
Надменный Запад и враги;
Ты мощен Руси приговором,
Ее ты славу береги!

Мятеж прошел, крамола ляжет,
В Литве и Жмуди мир взойдет;
Тогда и самый враг твой скажет:
Велик твой подвиг... и вздохнет.

Вздохнет, что, ставши сумасбродом,
Забыв присягу, свой позор,
Затеял с доблестным народом
Поднять давно решенный спор.

Нет, не помогут им усилья
Подземных их крамольных сил.
Зри! Над тобой, простерши крылья,
Парит архангел Михаил!»¹

¹ «Русский архив», 1885, № 6, кн. 2, с. 202—203.

В дореволюционных собраниях стихотворений Некрасова текст этот не перепечатывался потому, что эти издания Некрасова вообще не пополнялись никакими новыми находками, сама же принадлежность Некрасову опубликованного в «Русском архиве» текста сомнения не подвергалась; некрасоведы даже опровергали свидетельства мемуаристов о содержании стихотворения Некрасова тем, что эти свидетельства противоречат тексту, ставшему известным из «Русского архива».¹ Когда же в 1920 году К. И. Чуковский выпустил первое советское полное собрание стихотворений Некрасова, в него вошел тот же текст «муравьевской оды».²

Однако в том же 1920 году М. К. Лемке высказал в комментарии к заметке Герцена «Стихи и проза Некрасова» мнение, что текст, опубликованный в «Русском архиве», не тот, который был прочитан Некрасовым на обеде Муравьеву, и вообще не некрасовский. «Напечатанное Бартеневым стихотворение,— писал Лемке,— ни одним словом даже не намекает ни на незадолго бывшее покушение 4 апреля, ни на предстоявшую Муравьеву инквизиторскую деятельность, а все посвящено славословию за уже забываемое тогда усмирение С.-Западного края. Между тем в № 83 «Москов. Ведомостей» от 20 апреля 1866 г. указано, что в своем стихотворении Некрасов говорил, что «вся Россия бьет челом» и что надо «виновных не щадить», т. е. приводятся слова, которые выражают мысли, именно вполне гармонизовавшие с настроением еще раз шарахнувшейся вправо массы русского общества. Не говорю уже о том, что напечатанное в «Рус. архиве» стихотворение написано так слабо, что, особенно по первой и последней строфам, можно сомневаться в принадлежности его вообще хотя бы одному из сколько-нибудь заслуженно известных поэтов».³

К. И. Чуковский в статье «Поэт и палач» повторил первый аргумент Лемке (газетные сообщения) с такой, однако, оговоркой: «Верны ли эти сообщения, не знаем, так как их источником послужила газета Каткова, заин-

¹ См.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях. М., 1911, с. 11—12; Евгеньев-Максимов В. Е. Редакция «Современника» в 1866 году.— «Голос минувшего», 1915, № 1, с. 21.

² Некрасов Н. А. Стихотворения. Пг., 1920, с. 532.

³ См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1920, т. 18, с. 394—395.

тересованная в сильнейшем посрамлении Некрасова». Кроме того, К. И. Чуковский напомнил, что сам Некрасов перед смертью говорил, что в стихотворении «было двенадцать стихов», между тем как опубликованный текст «чуть не вдвое длиннее». Но К. И. Чуковский не счел высказанные соображения достаточными для того, чтобы исключить спорный текст из собрания стихотворений Некрасова; он только стал в новых изданиях печатать этот текст в разделе «Стихотворения, приписываемые Некрасову».¹

Было между тем одно обстоятельство, казалось бы заслуживавшее дальнейшего исследования. Это — несовпадение даты, под которой стихотворение напечатано в «Русском архиве», с датой чествования Муравьева в Английском клубе. Оно происходило 16 апреля 1866 года, а публикация имеет дату «27 апреля 1865». Публикаторы, перепечатававшие текст «Русского архива», замечали это несовпадение, но относились к нему как к случайной ошибке. В. Е. Чешихин-Ветринский, перепечатав стихотворение в сборнике материалов о Некрасове, исправил год, и у него получилась дата «27 апреля 1866»,² а К. И. Чуковский заменил ее датой чествования Муравьева.

Между тем, поскольку идентичность стихотворения Некрасова с напечатанным в «Русском архиве» вызвала сомнения, а содержание опубликованного стихотворения соответствовало событиям 1865-го, а не 1866 года, следовало, очевидно, поставить вопрос: не имеем ли мы дело с текстом другого стихотворения, прочитанного на другом чествовании, происходившем 25 апреля 1865 года? М. К. Лемке, соображения которого как будто вели к такой постановке вопроса, ограничился установлением того факта, что никакого обеда Муравьеву в петербургском Английском клубе 27 апреля 1865 года не было, добавив к этому, что его «и не могло быть, потому что тогда держался траур по умершему наследнику».³

Но ведь чествование могло состояться и не в петербургском Английском клубе, а утверждение, что оно не

¹ См.: Полн. собр. стихотворений Н. А. Некрасова. Под ред. К. И. Чуковского. Издания с 1-го (М.—Л., 1927) по 6-е (М.—Л., 1931).

² См.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письма и несобранных произведениях, с. 11—12.

³ См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем, т. 18, с. 394.

могло в данный день иметь места нигде и ни по какому поводу, было бы слишком категорично и априорно.

Установим прежде всего, ознаменовался ли этот день или непосредственно предшествовавшие ему какими-либо существенными событиями в биографии Муравьева. Установить это нетрудно. Как видно из газет, в апреле 1865 года Муравьев был отставлен от должности генерал-губернатора Северо-Западного края и награжден графским титулом. Царский рескрипт был опубликован в газетах 25 апреля 1865 года. Такое событие естественно было отметить хотя бы в тесном кругу ближайших к Муравьеву людей, чему, конечно, траур по наследнику помешать не мог. Тут, вероятно, и было прочитано стихотворение, ошибочно отнесенное в «Русском архиве» к чествованию Муравьева в следующем году. Разумеется, в этом случае не может быть и речи о принадлежности текста, напечатанного в «Русском архиве», Некрасову.

Эти соображения повели меня к просмотру мемуарной литературы о Муравьеве в 1863—1865 годах. Просмотр дал неожиданный результат. Выяснилось, что подлинный автор стихотворения, приписываемого Некрасову, давно известен, что он даже печатно протестовал против атрибуции его стихов Некрасову, но все это осталось не замеченным литературоведами.

В 1902—1904 годах в журнале «Русская старина» печатались мемуары одного из ближайших сотрудников Муравьева в виленский период, начальника его «особой канцелярии» и управляющего «отделением по крестьянским делам» И. А. Никотина. В 1905 году эти мемуары вышли отдельной книгой. Здесь, повествуя об отставке Муравьева из Вильны и его встречах в Петербурге с его преемником К. П. фон Кауфманом, Никотин пишет:

«За три дня до отъезда К. П. Кауфмана в Вильну граф М. Н. Муравьев дал ему прощальный обед, на который были приглашены только прибывшие с ним в Петербург оттуда лица, так что обед этот носил чисто семейный характер». После обеда «все встали и вышли в гостиную, где я обратился к графу Михаилу Николаевичу с следующим экспромтом:

Пускай клеймят тебя позором
Презренный Запад и враги,
Ты мощен Руси приговором,
Царя ты славу береги.

Мятеж прошел, крамола ляжет...
В литовской Руси мир взойдет,
Тогда и самый враг твой скажет:
Велик твой подвиг! и вздохнет
О том, что, ставши сумасбродом,
Забыв присягу, свой позор,
Затеял с доблестным народом
Поднять давно решенный спор...
Нет! Не помогут там усилья
Подземных их крамольных сил...
Зри — над тобой, простирая крылья,
Парит архангел Михаил!..

Образ архангела Михаила висел в углу столовой и виден был из гостиной. Похвалив стихи и поцеловав меня, граф пожелал иметь их от меня на память. Отправившись с С. С. Шереметевым в угловую комнату, я написал стихи на почтовом листе и передал Михаилу Николаевичу.¹

Никотин говорит, что «прощальный обед» у Муравьева состоялся за три дня до отъезда Кауфмана к месту его новой службы. Поскольку датой отъезда Кауфмана в Вильну Никотин далее (с. 268) называет 5 июля 1865 года, получается как будто, что обед состоялся в июле. Однако речь, очевидно, идет не об окончательном отъезде после принятия дел, а о первом приезде Кауфмана в Вильну в качестве нового генерал-губернатора, который датируется, согласно указаниям другого мемуариста² и газетным сведениям,³ 2 мая 1865 года. Очевидно, 27 апреля 1865 года и есть дата прочтения стихотворения Никотина.

К цитированному месту своих «Записок» И. А. Никотин сделал следующее подстрочное примечание:

«К крайнему моему удивлению, прочел я в «Новом времени», что этот экспромт, слитый воедино с сказанным два года перед тем в Вильне за обедом поверочных комиссий, приписывается поэту Некрасову, которого даже заподозрили в ложности чувств. Смее уверить неизвестного мне автора, одобрявшего стихи, что русский наш поэт был тут ни при чем; за достоинство моих стихов я не стою, но за искренность высказанных в них чувств — смее ручаться».

¹ Из записок Ивана Акимовича Никотина. Спб., 1905, с. 265—266.

² М о с о л о в А. Н. Виленские очерки. 1863—1865 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898, с. 222.

³ См. хотя бы «Виленский вестник», 1865, 3 мая.

Никотин ссылается не на «Русский архив», а на «Новое время». Он имеет в виду перепечатку стихотворения и части заметки из «Русского архива».¹

Текст более раннего «экспромта» — тоста, о котором упоминает Никотин, также помещен в его «Записках»:

Заздравный кубок поднимая,
Еще раз выпить нам пора
Здравицу миротворца края...
Так много ж лет ему — ура!

Путаница действительно вышла экстраординарная. Тост, произнесенный в Вильне в 1863 году, объединен с приветствием, прочитанным в 1865 году, и выдан за стихотворение, написанное по другому поводу в 1866 году, но датирован временем сочинения основной части контаминированного текста; автором же, вместо ограниченного чиновника и бездарного застольного стихоплета, сделан великий поэт.

Нет нужды строить предположения о том, как произошла эта путаница; существенно, что стихи, печатавшиеся до сих пор в качестве «муравьевской оды» Некрасова, не принадлежат ему,² подлинный же текст стихотворения Некрасова, прочитанного на обеде в честь Муравьева, остается неизвестным.

¹ «Новое время», 1885, 2 июня.

² После опубликования настоящей статьи в 1933 году текст стихов Никотина в собраниях стихотворений Некрасова больше, разумеется, не печатался.